

— Вам этот вопрос, Саша, наверняка покажется сверхбанальным, и все-таки: легко ли быть дочерью знаменитости?

— Я не буду отвечать на этот вопрос. И... может, на этом закончим наш разговор?

— Потому что об этом вас сто раз спрашивали? Но ваш отец — Марк Анатольевич Захаров, замечательный режиссер, известная в стране личность, и хотите вы того или не хотите, никуда от этого не денешься. И что плохого в том, что наших читателей интересует, как, например, росла Александра Захарова?

— Все свое детство — без преувеличения — я проторчала за кулисами театра. А жили мы в актерском кооперативе на улице Чехова. Рядышком была наша школа — я ее называла бурсой и ненавидела лютой ненавистью.

— Почему? Чем она вас допекла?

— Слово «бурса» вам ничего не говорит? Моим воспитанием дома вроде бы никто и не занимался. Мне не говорили, что надо, а что не надо, это хорошо, а это плохо. Росла, как трава — но на благодатной почве. У нас без конца бывали интереснейшие люди, общались со мной, меня всегда сажали со всеми за стол, и я с громадным удовольствием слушала взрослые разговоры. Потом, как я уже говорила, я все время пропадала в театре. В общем, везде чувствовала себя человеком, но только не в школе. И потому часто, вместо того чтобы идти в школу, я садилась в троллейбус, в «тройку», и отправлялась в «Детский мир» игрушки смотреть. Потом дома делилась впечатлениями. Мама удивлялась: «Мы же так давно были в «Детском мире». Как же это ты все запомнила, Сашенька?» Когда же выяснилось, почему запомнила, какая это была трагедия!

Однажды меня даже из школы выгнали

Фото Виктора ГОРЯЧЕВА

— за прогулы и двойки. Кажется, во втором классе. Возвращаюсь вся в слезах домой, а было часов девять утра, актеры в нашем актерском доме, естественно, еще крепко спят. Звоню, говорю маме, рыдая. Мама, толком еще не проснувшись: «И слава Богу, что выгнали, ложись спать».

— Почему вы пошли работать именно в Ленком? Вас ведь звали и в другие театры?

— Я и учиться на актрису пошла прежде всего потому, что мечтала работать именно в этом театре и именно с Марком Анатольевичем Захаровым.

— Понимая, что Захаров в первую очередь «режиссерский», а не «актерский» режиссер, что родственные с ним отношения добавят вам трудностей чисто психологического порядка...

— Безусловно, я чувствовала опасность, что не смогу себя реализовать как актриса. Более того, не один год проторчала в масковке... Ужасно переживала. И однажды, не выдержав, положила главному режиссеру

на стол заявление об уходе, вышла из кабинета и заплакала.

— Что было последней каплей, которая заставила вас решиться на такой шаг?

— Тумба в замечательном спектакле «Тиль». В темноте мы меняли декорации, и этой тумбой мне заехали по голове... В общем, меня вывели из масковки. И тут в театр пришел Глеб Анатольевич Панфилов ставить «Гамлета». И вдруг он — до этого мы с ним совершенно не общались — предложил мне сыграть Офелию.

Мне повезло — был дан шанс. Годы в масковке — не в счет. Я счастлива, потому что сыграла Офелию в «Гамлете», Нину Заречную в «Чайке», графиню Альмавиву в «Женитьбе Фигаро». Речь не о том, как сыграла, речь о подарке судьбы — сколько актрис могли только мечтать о таких ролях!

— Как киноактриса вы «родились» после показа по телевидению «Криминального таланта»...

— Между прочим, сценарий этой картины мне не понравился. Прочитав его, поду-

Захарова, дочь Захарова

ПЕРСОНА

Легко ли быть знаменитой дочерью знаменитого режиссера?

Век. — 1996. — 19-25 июля (№ 28). — С. 11

мала: Боже мой, одни только разговоры. Я и не предполагала, что может получиться такой интересный фильм. И потому очень благодарна режиссеру Сергею Ашкенази, который уговорил меня сняться, подарил, можно сказать, отличную роль. А с «Серыми волками» вышло наоборот: мне очень понравился сценарий. Там была прекрасная женская роль, было что играть. Ничего не хочу говорить про фильм, получился он или не получился, но меня из него почти полностью вырезали! Меня так просили на эту роль, так умоляли сняться в обнаженном виде, и я пошла на это, потому что это было драматургически обусловлено. А в результате... Такая вот штука кино: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

— Недавно телезрители могли увидеть «Графиню» — вы там снялись в эротической сцене...

— Крошечный совсем эпизод, никакого сравнения с тем, что было в «Серых волках». Я, между прочим, и в «Криминальном таланте» раздевалась. А впервые меня «раз-

дел» в кино не кто-нибудь, а Марк Анатольевич — в фильме «Убить дракона». На съемке той сцены он спросил: «Саша, может, кого-то прогнать?» Я посмотрела, стоят осветители — их не прогонишь. И оператора не прогонишь. Там еще художник картины стоял — главный художник театра Олег Шейнис, интеллигентнейший человек. И я сказала: «Вот его, пожалуйста, прогоните». И он, единственный из окружающих, в ком я признала мужчину — так это выглядело со стороны, смиренно ушел.

— Нравится раздеваться?

— Абсолютно не нравится. И впредь я постараюсь никогда больше не превращаться в натурщицу.

— А как в фильме «Мастер и Маргарита»? Ведь Гелла у Булгакова разгуливала в чем мать родила...

— Знаете, правы те, кто говорит, что это заколдованное произведение, над ним какой-то рок висит. Сама была свидетельницей, как на съемке эпизода в спальне Воланда по команде «мотор!» вдруг с серванта свалилось чучело огромной совы и клювом прямо в темечко актеру Кашпуру...

Роль ведьмы, так заинтересовавшая меня в сценарии, свелась к тому, что я ходила за Настей Вертинской и таскала ее фату. Однажды я увидела, как снимают эпизод с голой женщиной в рыжем парике. «Кто это?» — спрашиваю. «Это Гелла». Я ужаснулась: какую-то женщину в неприглядном виде выдают за меня! И бал сатаны снимали без меня...

Встретив недавно Валентина Иосифовича Гафта, который видел рабочий материал картины, спросила: «Я там есть?» «Тебя там мало, — ответил он, — не беспокойся».

— В «Мастере» вы снимались вместе с Владимиром Стекловым, тогдашним вашим мужем...

— Давайте не будем об этом, ладно?

— А о собаке вашей можно?

— Я ее назвала Фимкой — в честь роли, которую она играла в фильме «Формула любви».

— И как вы живете с Фимкой?

— Она руководит моей жизнью. Заставляет вставать, гулять. Улыбается мне. Я: «Фимка, улыбочка» — и она улыбается. Мы с ней разговариваем. Поскольку она разбила несколько телефонных аппаратов, у меня ощущение, что она кому-то названивает, когда я ухожу из дома.

— У Фимки нет проблем с питанием?

— Кормлю ее тем же, чем себя. А ем я все — я всеядный человек. Но стараюсь есть в основном овощи. Знаете, еда никогда не была для меня культом. Хочется есть — ем. Причем то, что можно приготовить на скорую руку. Чтобы там картошку для себя пожарить, суп сварить, котлеты сделать — это не для меня. Правда, отвожу душу, когда прихожу к родителям, а это бывает довольно часто, и открываю холодильник.

— Любите одиночество?

— Считаю, что главное для женщины — семья.

— А мне казалось, что для вас главное — жизнь на сцене, на экране. Семья, дети этому ведь только помеха...

— Вы ошибаетесь: каждая женщина мечтает о любви, о семье. И это совсем не помеха профессии. У меня есть наглядное тому подтверждение — мои родители. И я не самая плохая дочь... Конечно, ребенок требует внимания, нужно себя в чем-то ограничить, но... Мне трудно об этом говорить, я не испытала материнских чувств.

— Хочется их испытать?

— Ну конечно, а как же!

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ